

В то время между царствами Янь и Хэн шла война. Лу Бинъюнь смутно помнил, что его ранение было вызвано засадой царства Янь.

Именно тогда он узнал истинное лицо Лу Цинмина и разорвал с ним все отношения.

— Со мной всё в порядке. Брат Юнь, — Лоу Синхуань обнял его за плечи, движения были ласковыми, но взгляд почему-то был мрачным. — О чём ты думаешь?

— Думаю, не повредил ли ты себе мозги.

Лоу Синхуань сжал губы, усмехнулся, помог ему встать, отряхнул снег с его одежды, а затем с себя:

— Даже если повредил, ты будешь заботиться обо мне.

— Ты слишком многого хочешь, — Лу Бинъюнь сказал. — Ты уже выше и крепче меня, пора бы жениться на девушке, и я буду счастлив.

Лоу Синхуань усмехнулся, но ничего не сказал.

Лу Бинъюнь закусил рукав, оторвал полоску ткани и ловко перевязал лоб Лоу Синхуаня, снова внимательно осмотрев:

— Должно быть, всё в порядке.

Лоу Синхуань потрогал повязку на голове, и его улыбка стала искреннее.

— И ты ещё смеёшься, бросился за лошадьё, малыш, ты действительно не повзрослел, — Лу Бинъюнь потопал ногами, чувствуя, как в ботинках тает снег, превращаясь в воду. — Безрассудный.

Лоу Синхуань покачал головой, серьёзно сказав:

— Я вырос.

Услышав, что он осмелился возражать, Лу Бинъюнь с удивлением посмотрел на него.

Лоу Синхуань смотрел на него, его взгляд был сосредоточенным, ясным и пронизательным, словно во всём мире существовал только один человек перед ним.

Князь Цин был красив, и Лоу Синхуань тоже. За прошедший год он избавился от детской наивности, его черты лица стали более глубокими, и он выглядел гораздо более зрелым.

Чтобы понять, вырос ли ребёнок, проще всего обратить внимание на физические изменения.

В момент, когда начался снежный обвал, Лоу Синхуань, как и он, почувствовал опасность, но его реакция была быстрее, словно проворный леопард, бросившийся на него, но не чтобы перегрызть горло, а чтобы защитить.

Когда они катились вниз, Лу Бинъюнь в его объятиях явно ощутил его твёрдые мышцы, напряжённые и сильные, наполненные удивительной мощью.

Он снова вспомнил, что в письмах родителей и друзей за этот год упоминался Лоу Синхуань, в основном говоря о том, какие волнения он вызвал в столице, и намекая на то, что ему стоит

быть осторожным с этим приёмным сыном.

Лу Бинъюнь также вспомнил множество писем от Лоу Синхуаня, которые приходили чаще, чем от его родителей. Даже друзья из странствий говорили, что этот сын был особенно почтительным.

— Действительно вырос, — Лу Бинъюнь кивнул. — Бунтует, даже отца не хочет называть.

— Брат Юнь, — Лоу Синхуань не ответил, только позвал его.

Лу Бинъюнь посмотрел вниз и увидел, что Лоу Синхуань стоит спиной к нему, присев:

— Я понесу тебя на спине.

— Я не ранен, — Лу Бинъюнь недоумевал.

Лоу Синхуань настаивал:

— Обувь и носки мокрые, тебе будет неудобно идти.

Они были одни, и враждебное отношение Лоу Синхуаня к Лу Цинмину полностью исчезло, словно вся его нежность была предназначена только для этого самого важного человека перед ним.

— Ты знаешь дорогу?

Вокруг была только белая пустота, и лишь оголённая земля выделялась другим цветом.

Лоу Синхуань кивнул:

— Я был здесь.

Покатавшись по снегу, их верхняя одежда промокла, и ветер, дуя, приносил холод.

Лу Бинъюнь посмотрел на широкую спину приёмного сына и содрогнулся.

Внезапно он почувствовал, как его подняли, и оказался на спине Лоу Синхуаня.

Лоу Синхуань встал, уверенно неся его.

Температура тела юноши, как всегда, была высокой, и тепло, казалось, проникало через одежду, касаясь груди Лу Бинъюня.

В детстве он упал в ледяной пруд, и хотя дед его вылечил, всё же осталась боязнь холода. К счастью, он родился в богатой семье, с детства окружённый любовью старших, и лекарства для укрепления здоровья поступали к нему непрерывно, так что он всегда был в хорошем состоянии.

Даже в течение этого полуторагодичного периода, когда он покинул столицу, он не был лишён чьей-либо любви, окружённый заботой, его еда и одежда были гораздо более изысканными, чем у других, и он жил в исключительном комфорте.

— Брат Юнь, — юноша под ним, казалось, угадал его мысли, спросил, словно жаждал знаний.

— Странствия интересны, внешний мир велик?

Лу Бинъюнь обнял его шею руками:

— Интересен, велик.

— Интереснее, чем в столице?

— Да, случаи разнообразны, и жизнь полна ярких впечатлений.

Лоу Синхуань усмехнулся, но его улыбка была неискренней:

— Тогда ты был счастлив, счастливее, чем в княжеском доме?

Лу Бинъюнь задумался:

— Я могу быть счастлив везде.

Если он не был счастлив, то только потому, что сам не хотел быть счастливым.

Спина Лоу Синхуаня слегка дрогнула, его голос был низким и приятным:

— Действительно.

Проходя мимо низкого дерева, Лу Бинъюнь первым протянул руку, чтобы отодвинуть заснеженные ветки:

— Когда я возвращался в столицу, один странствующий друг-гадатель сделал мне предсказание.

— Да?

Лу Бинъюнь медленно сказал:

*

Несколько лет пустого трона, но сегодня новые цветы на молодых ветвях,

Тысяча ли встречи, тысяча ли соединения, встреча и соединение принесут доброе завершение.

*

— Хорошее предзнаменование.

— Я просил его предсказать мою карьеру, а он обманул меня, предсказав судьбу. Ещё сказал, что по пути обратно всё будет удачным и благоприятным, и я не только неожиданно встречу с родными, но и найду свою судьбу.

Кто бы мог подумать, что, вернувшись, я чуть не столкнулся с другом и сводным братом.

Лоу Синхуань моргнул, его рука слегка сжалась, но быстро отпустила, и его улыбка стала искреннее:

— Да.

Когда он отодвигал ветки, Лу Бинъюнь случайно коснулся снега и вздрогнул.

Его руки были очень холодными, и Лоу Синхуань почувствовал это, слегка пошевелив плечом, чтобы руки Лу Бинъюня соскользнули к его шее.

Лу Бинъюнь согрелся, а сам Лоу Синхуань вздрогнул от холода.

Лу Бинъюнь хотел убрать руки, но Лоу Синхуань остановил его:

— Не простудись.

— Ты слишком заботишься, — Лу Бинъюнь действительно мёрз, но, жажду тепла, слегка коснулся его, прежде чем убрать руки. — И ещё учишь своего отца.

Лоу Синхуань пошатнулся, чуть не споткнувшись, его уши покраснели. Он глубоко вздохнул, прежде чем прийти в себя.

К счастью, в такой холод уши часто краснеют от мороза. Лу Бинъюнь не обратил на это внимания, посмотрев на развилку впереди:

— Куда теперь идти?

— Налево, — Лоу Синхуань повернул и слегка подбросил Лу Бинъюня, который начал сползать вниз. — Отец, тебе нравится, когда я называю тебя отцом?

— Ну, я ведь видел, как ты рос, — Лу Бинъюнь на его спине показал рукой. — С тех пор, как ты был маленьким, до такого роста, такого размера. Ты выше меня, крупнее меня.

— Но я больше не хочу называть тебя отцом, — Лоу Синхуань, казалось, о чём-то подумал, его губы сжались.

— Можешь называть меня как угодно. Можешь звать меня братом, малыш.

Лицо Лоу Синхуаня внезапно покраснело, но Лу Бинъюнь этого не заметил. Он начал засыпать, положив голову на плечо малыша.

Он вспомнил, что ему нужно было что-то спросить, и, собравшись с силами, сказал:

— Что произошло между тобой и Лу Цинмином?

— Не о чем говорить, просто некоторые разногласия, — Лоу Синхуань спокойно ответил.

— Столько раз ты оказывался в опасности, и ты мне ничего не говорил, — Лу Бинъюнь сказал.

Он знал характер Лу Цинмина — вспыльчивый и упрямый, он не считался с жизнями других и не останавливался, пока не достигал своей цели. Он должен был понять, что Лоу Синхуань, будучи так близок к нему, рано или поздно станет мишенью для Лу Цинмина, который захочет избавиться от него.

Но почему этот малыш молчал.

— В следующий раз скажи мне. Хотя я и не в княжеском доме, и не твой отец, но я всё же могу помочь тебе...

Говоря, он вскоре замолчал.

Лоу Синхуань слегка повернул голову, дыхание Лу Бинъюня было лёгким, его мягкая щека касалась его плеча, словно кусок хлопка, белый и гладкий.

Он тихо усмехнулся.

В заброшенной местности, покрытой белым снегом, царила полная тишина.

Он сказал:

— Отец, я лишь хочу, чтобы ты был счастлив.

Лоу Синхуань шёл так уверенно, делая большие и устойчивые шаги, что Лу Бинъюнь начал мечтать, и это был хороший сон.

Он видел усадьбу, где были вкусные персики.

Тёплый пар поднимался от источника, и он оказался в тёплой воде, чувствуя себя комфортно. В носу витал аромат фруктов, и он увидел сочные персики, привлекательные и ароматные. От жары у него пересохло во рту, и Лу Бинъюнь наклонился, открыв рот, чтобы откусить.

Он ожидал сочного и сладкого вкуса, но, откусив, чуть не сломал зубы.

— М-м!

— С-с! — Твёрдый персик, казалось, вскрикнул, звук был глухим и сдержанным.

Лу Бинъюнь открыл глаза.

<http://bllate.org/book/16424/1488597>